

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Л.Б.Воробьева

Псковский государственный педагогический университет, lina5558@yandex.ru

На основе сопоставительных данных рассматривается языковая образность русских и литовских устойчивых сравнений, пословиц, метафор, содержащих в своей структуре наименования деревьев. Выявляется мотивированность выбора данных образов в устойчивых выражениях, определяются как универсальные, так и национально-специфические структурные и семантические особенности.

Ключевые слова: устойчивые выражения, фразеологизм, образность, пословица, сравнение, фразеологический образ

The article employs comparative data to examine the language imagery of Russian and Lithuanian set expressions, proverbs, and metaphors containing names of trees in their structure. The author reveals the motives behind the choice of the given images in set expressions, defines both universal and nationally specific features of their structure and semantics.

Keywords: set expression, phraseological unit, imagery, proverb, simile, phraseological image

В различиях метафорического и символического осмысления окружающего мира проявляется специфика образного мышления человека, представителя той или иной культуры. Каждый народ отличается своеобразным видением мира, что отражается в опорных концептах, символах, образах, присущих данной нации. М.М.Маковский отметил, что формирование семантики подвержено сильному влиянию религиозной и мифологической символики, мистических и ритуальных церемоний, верований, обычаев, предрассудков, примет [1]. Одни и те же реалии, понятия могут иметь и имеют в разных культурах различную символическую семантику, которая реализуется в национально специфических фразеологических образах.

Наиболее частотными словами-компонентами фразеологических единиц являются названия животных, растений, явлений природы, соматизмы. Анализ лексики этих групп в структуре фразеологизмов двух языков позволяет выявить межъязыковые фразеологические параллели и национальное своеобразие данных выражений.

Характерное для большинства языков и культур осмысление человека в категориях растительного мира опирается на представление о единстве человека и живой природы. Именно растения часто становились моделью описания жизни человека, его внешности, эмоций, труда в устойчивых выражениях и метафорах. По мнению Г.Д.Гачева, первое, очевидное, что определяет лицо народа, — это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю [2]. Древний человек, как отмечает Н.Ф.Сумцов, имел особый взгляд на растительное царство: деревья у него ценились не только по их практической пригодности в быту, но и по их отношению к нравственному миру человека. Представители растительного царства рассматриваются как живые, способные к самостоятельной деятельности личности, имеющие свое тело и свои органы чувств. Отличительной особенностью древнего народного мирозерцания представляется олицетворение и обоготворение сил и явлений внешней природы с перенесением на них свойств и особенностей нравственной природы человека, его характера, семейного уклада и домашнего быта [3]. С другой стороны, переосмысляя

признаки, свойства растений, человек возводит их до уровня эталона и сравнивает себя с ними.

Проведенный анализ фразеологических единиц, содержащих в своей структуре наименования деревьев, позволил выявить, насколько они типичны для русского и литовского языков, какие коннотации им присущи, как соотносится фразеологическая продуктивность тех или иных образов деревьев в двух языках.

В русском языке 10 наименований деревьев (*дуб, рябина, береза, ива, кипарис, липа, осина, сосна, тополь, черемуха*) участвуют в создании 15 устойчивых сравнений, в литовском — 9 наименований (*ažuolas — дуб, liepa — липа, eglė — ель, karklas — ива, drebulė — осина, erišė — осина, obelis — яблоня, beržas — береза, pušis — сосна*) образуют 24 устойчивых сравнения.

Образный стержень *дуб* является самым «популярным» в образовании как русских, так и литовских сравнений. Издавна считалось, что дуб — это царь растительного мира, символ жизненной силы и твердости. Эти же качества в сознании носителей языка связывались с сильным, здоровым, рослым человеком, что отразилось в устойчивых сравнениях. В относительно небольшом числе единиц с компонентом *дуб* встречаются три русско-литовские эквивалента: *здоров (здоровый) как дуб — stiprus kaip ažuolas, рослый как дуб — jauges kaip ažuolas, крепок (крепкий) как дуб — tvirtas kaip ažuolas*. Последнее сравнение может характеризовать здорового, физически сильного мужчину, а также прочный предмет (древесина дуба была основным строительным материалом, из которого люди возводили теплые и прочные жилища). Внешнее сходство дуба и упитанного мужчины способствовало возникновению литовского сравнения *drūtas kaip ažuolas* (толстый как дуб). В русском языке внешняя аналогия порождает сравнение, характеризующее твердо, уверенно стоящего где-либо сильного человека: *стоять как дуб*.

У литовцев традиционное сопряжение образов юноши и дуба берет начало в народных песнях. Мотив дубовой рощи находим в устойчивом сравнении *gražūs kaip girioj ažuolai* (красивые как дубы в роще), что еще раз подтверждает отражение во фразеологии мифологических представлений, древних культов, верований и обрядов. У балтов священные дубовые рощи считались

местом пребывания божества. В них ставили статуи богов, служили молебны, жгли священный огонь, совершали жертвоприношение. В первую очередь все обряды совершались в честь громовержца Пяркунаса (Перуна), поскольку считалось, что он живет в дубах (богиня судьбы Лайма, например, живет в липах) [4].

Национально-специфической образностью отличается сравнение *bagotas kaip žuolas skarotas* (богатый как дуб ветвистый).оборот отличается четкой ритмической организацией, рифмой.

Менее продуктивно слово *дуб* участвует в образовании пословиц в сравниваемых языках. Некоторые русские пословицы с данным компонентом отражают восприятие человеческих взаимоотношений, устройства окружающего мира: *Даже дуб в одиночестве засыхает, а в лесу живет целые века; Буря дубок молодой только сгибает, дуб с сердцевиной гнилой буря ломает; Дерзись за дубок, который в земле глубок* и др.

В русских пословицах *Не срубишь дуба, не отдуй губы; Не отрубшь дубка, не насадя пупка; Олень с дубом бодался, да рога сломал; Стар дуб, да корень свеж* дуб представляется как символ жизненной силы и твердости. Литовские пословицы с данным компонентом построены на противопоставлении: *Iš mažos gilės didelės žuolas išauga* (Из маленького желудя большой дуб вырастает); *Alksniu gimęs žuolu neuogsi* (Родившись ольхой, дубом не станешь).

Небезынтересно отметить, что в русской речи высокой употребительностью обладают оценочные существительные, передающие негативную характеристику умственных способностей человека, возникшие в результате метафоризации обозначений пород деревьев, названий их частей, предметов и заготовок из древесины (*дуб, дубина, пень, болван*). Они участвуют в образовании таких фразеологических единиц, как *дуб дубом, пень пнем, болван болваном, дубина строеросовая*. Слово *дуб* — единственное из названий деревьев, представленное в толковом словаре (МАС) метафорическим значением ‘о нечутком, тупом человеке’. Такая лексикографическая фиксация позволяет говорить о том, что переносное значение с яркой образностью обладает большей экспрессией, усиливающей эмоционально-оценочную, эстетическую и другие составляющие языковой информации.

Культ деревьев является одним из старейших для многих народов. Человек почитал дерево, поскольку оно его кормило, снабжало корой для изготовления посуды, служило строительным материалом, прятало от зверей, дождя и солнца, являлось топливом. Некоторые деревья были покрыты тайной, наделялись сверхъестественной силой. Особенно почитались те деревья, которые давали много плодов: дуб, рябина, яблоня и т.п. [5]. В основе многих поверий и обрядов лежат представления о тесной связи человека и дерева, о соотносении их судеб и жизненных этапов. Даже по внешним признакам дерево соотносится с человеком: ствол соответствует туловищу, ветки — рукам, сок — крови и т.д. Поэтому аналогии человека и дерева, являющиеся основой для образования устойчивых выражений, вполне объяснимы.

Символическая семантика в структуре русских устойчивых сравнений присуща и компоненту *ряби-*

на. Рябина используется в народной медицине, а также в качестве оберега, что объясняется красным цветом ягод, похожих на кровь. В России и Белоруссии существовал запрет рубить или ломать кусты рябины, использовать ее на дрова, обрывать цветы и даже ягоды [6]. Считалось, что у того, кто причинит рябине вред, дома может случиться беда (скорая гибель или болезнь).

Богатым культурным фоном обладает русское *одинокая как рябина*. Рябина в народных песнях, преимущественно лирических, символически сопоставляется с тоскующей женщиной, а горечь ее ягод ассоциируется с безрадостной жизнью. Два специфических русских оборота строятся на поверхностных ассоциациях: *гнутья (шататься) как рябина [на ветру], шатает (качает) кого как рябину* (параллель проводится между гнущимся деревом и человеком, шатающимся от слабости, болезни или изнемогающим от тяжести жизненных испытаний, невзгод). В структуре русских пословиц данный компонент тоже присутствует, но не в значении ‘дерево’, а в значении ‘ягода’: *В сентябре одна ягода, да и та горькая рябина; Все едино, что хлеб, что рябина: оба кислы*.

Несмотря на то, что в литовских традициях и обрядах рябина также занимает значительное место (она используется главным образом в качестве оберега [7, 8]), в структуре пословиц, устойчивых сравнений этот компонент не зафиксирован.

Сосна, береза, тополь и кипарис для русских являются символами изящной, пропорциональной фигуры и обозначают стройного человека. В литовском языке подобная семантика приписывается ели и иве: *tiesi kaip eglė [girioje]* (стройная как ель [в роще]), *lankstus kaip karklas* (гибкий как ива) (в литовском языке *ива/karklas* — существительное мужского рода, поэтому сравнение характеризует мужчину). Образ березы, в литовском языке встречающийся только в сравнениях, раскрывает противоположное ассоциативное представление не только о внешности человека, но и о его образе жизни: *girgždėti kaip [pasviręs] beržas prie kelio* (скрипеть как [наклонившаяся] береза у дороги), в значении ‘жить бедно, с трудом поддерживая свое существование’.

Несмотря на то, что позитивное восприятие березы связано с отношением русского человека к ней как к символу родины, России, молодой и непорочной девушки-невесты [9], в пословицах данная символика не отразилась: *Кривая береза не удержит снега, плохой человек не сдержит слова; Вот так ловкий: на лежащую березу до самого верха влез*.

Если в сравнении образ сосны характеризует стройную, статную женщину (*стройная как сосна*), то в пословице данный образ отражает социальный статус мужчины в семье *Мужчина — сосна, женщина — глициния (глициния вьется вокруг сосны)*, хотя известно, что в русском языке при сравнении человека с растением или животным, как правило, учитывается грамматический род образного стержня.

Поскольку дерево служило основным материалом для постройки жилища, для разных народных промыслов, а также использовалось для обогрева помещений, неудивительно, что практическая пригодность со-

сны отразилась в русских пословицах: *Где сосна уродилась, там и пригодилась; Где выросла сосна, там она и красна* (ср. литовский эквивалент *Kur pušis išaugo, ten ir graži*); *В свое время сосна красна, пройдет время — краска спадет; Ель, сосна — те же дрова; олады, блины — та же еда*. В русско-литовском пословичной параллели *Всякая сосна своему бору шумит — Kiekvienu pušis savo šilui ošia* противопоставляются понятия «свое»/«чужое»: свое оценивается как лучшее в сравнении с не-своим; своя среда благоприятна и комфортна, она дает чувство уверенности; свои люди добры, благожелательны, от них можно ждать сочувствия и помощи. Для реализации подобной семантики данная структурно-семантическая модель очень продуктивна в сравниваемых языках: *Всяк кулик свое болото хвалит; В своем болоте и лягушка поет; На своем пепелище и курица бьет; В своем гнезде и ворона кориун* и др. — *Ir gaidys ant savo mėšlyno ponas* (И петух на своей навозной куче пан); *Ir gaidys savo kieme drąsus* (И петух в своем дворе храбрый).

Если в русских сравнениях образ ели не встречается, то в пословицах, как правило, он используется наряду с образом сосны, что вполне объяснимо, так как оба дерева — хвойные: *Ель — не сосна: шумит неспроста; Перелетный соловей: то на сосну, то на ель; Ель, сосна — те же дрова; олады, блины — та же еда*.

Интересно отметить, что русскому слову *осина* в литовском языке соответствуют два слова — *erušė* и *drebulė*. С каждым из них зафиксировано по два устойчивых сравнения.

Этиологические мифы славян и балтов связывают дрожание осины с Божьим проклятием, наложенным на осину за то, что из нее был сделан крест, на котором распяли Христа, гвозди, которыми он был прибит к кресту, а также «спицы», которые мучители Христа загоняли ему под ногти. Согласно другим рассказам, осина была наказана за то, что дрожанием своих ветвей выдала Богородицу, прятавшуюся под ней с младенцем Христом во время бегства в Египет. Существует также поверье о том, что на осине якобы повесился Иуда. Все это послужило основой для того, чтобы в народных представлениях это дерево считалось проклятым: его запрещалось сажать около домов, использовать при строительстве, осиною не топили печь, избегали сидеть в тени дерева, не вносили в дом осиновых веток [10]. Отрицательные коннотации, связанные с этим деревом, очень ярко переданы в литовской народной сказке «Эгле — королева ужей», где после смерти мужа-ужа Эгле от горя прокликает себя и своих детей, сама становясь елью, сыновей превращает в дуб и ясень, а предательницу-дочку — в вечно трясушущую осину.

Реальные наблюдения за живой природой, а также мифологические представления лежат в основе русско-литовской образной параллели: *дрождать как осиновый лист — drebėti kaip drebulė (kaip erušė)* (трястись как осина). В литовском существует и более пространное выражение *drebėti kaip erušė, Judošiui pasikorus* (трястись как осина после того, как Иуда повесился). Негативное отношение к данному дереву отразилось и в пословицах *Для продажной псины кол из осины; Ладило б тебя на осину (Осина*

— проклятое дерево, на нем Иуда удавился). Отрицательная характеристика женщины отражена в пословице *Осина и без ветра шумит*.

На ассоциациях, вызванных внешним сходством человека и дерева, строятся литовские сравнения с компонентом *lipa* — одним из наиболее продуктивных в образовании литовских сравнений. Внешний облик стройной, статной девушки характеризуют сравнения *aukšta kaip liepa* (высокая как липа), *laiba kaip liepa* (стройная как липа), *graži kaip žydinti liepa* (красивая как цветущая липа). Мотив, использованный в сравнении *augti kaip žalioji liepa vejoje* (расти как зеленая липа на лужке) характерен для литовских народных лирических песен.

В русских словарях нами обнаружено только одно устойчивое сравнение с компонентом *липа* — *облупить (обдирать/ободрать, обчищать/обчистить, обирать/обобрать) кого как липу (липку)*, связанное с заготовкой липового лыка, из которого в крестьянском обиходе изготовлялись лапти, туеса, коробы и т.п. В литовском языке процесс заготовки данного сырья нашел отражение в пословице *Lupk liepą pakol lupasi* (Лупи липу, пока лупится). Литовская пословица *Ant kumpos liepos visos ožkos lipa* (На кривую липу все козы скачут) имеет вариант с другим образным воплощением *Ant palinkuio karklo visos ožkos lipa* (На наклонную иву все козы скачут), функционирующее наряду с русско-литовской параллелью *На плохое дерево и козы скачут — Ant palinkuio medžio visos ožkos lipa*.

Таким образом, наблюдения показывают, что одни и те же наименования растений могут реализовываться в составе устойчивых выражений с разным конкретным содержанием. С другой стороны, одни и те же явления из жизни людей могут характеризоваться единицами с самыми разными наименованиями реальных растительного мира.

Мотивированность выбора образов сравнений определена как эмпирическим восприятием растений, так и магическими и апотропеическими функциями, которыми они наделяются в разных культурах. Именно это, на наш взгляд, определило такую специфическую особенность, как преобладание положительной оценки, передаваемой единицами с компонентами данной тематической группы.

1. Маковский М.М. Удивительный мир слова и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. С.20.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. С.27.
3. Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избр. тр. М.: Вост. лит., 1996. С.139, 232.
4. Dundulienė P. Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2008. P.71.
5. Ibid. P.8.
6. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С.343.
7. Dundulienė P. Gyvybės medis lietuvių mene ir tautosakoje. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2008. P.132.
8. Gutauskas S. Lietuvių liaudies kalendorius. Vilnius: Vyturys, 1991. P.71.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. С.106.
10. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. С.292-293.